

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

УДК 340:001.4(470)

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 г. В ДИАПАЗОНЕ ОЦЕНОК УЧЕНЫХ И ПРАКТИКОВ

© 2014 г. *Е.Е. Тонков, М.В. Мархгейм*

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*National Research University
Belgorod State University
85, Pobedy str.,
Belgorod, 308015*

10-11 октября 2014 г. Юридический институт Белгородского государственного национального исследовательского университета и Белгородский юридический институт МВД России под эгидой Ассоциации юристов России провели Международную научно-практическую конференцию «Судебная реформа в России: преемственность и модернизация», посвященную 150-летию Судебной реформы Александра II. Ее особенностью стало, что конференция впервые одновременно проходила на двух площадках – в Белгородском государственном национальном исследовательском университете и Белгородском юридическом институте МВД России.

Ключевые слова: *законодательство, правосудие, судебная власть, судебная реформа, судебная система.*

10-11 October 2014, the Law Institute of the National Research University «Belgorod State University» and the Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry under the auspices of the Association of Lawyers of Russia held an International Scientific and Practical conference «Judicial Reform in Russia: Continuity and Modernization», dedicated to the 150th anniversary of the Alexander's II Judicial reform. The conference for the first time was held simultaneously at two sites – at the National Research University «Belgorod State University» and the Belgorod Law Institute of the Russian Interior Ministry.

Keywords: *law, justice, the judiciary, judicial reform, judicial system.*

Судебная реформа Александра II по праву признается знаковым событием для России. Его велением 4 ноября 1864 г. были утверждены новые Судебные уставы. В соответствии с ними впервые в Российской империи вводились либеральные принципы судостройства и судопроизводства: осуществление правосудия только судом; независимость судов и судей; отделение судебной власти от обвинительной; несменяемость судей; бессловность суда (равенство всех перед судом); состязательность; самостоятельность судей; гласность и устность судопроизводства. Именно им довелось проследовать через века и получить статус конституционных. Помимо этого Судебными уставами предусматривалось, что основой внутренней самостоятельности судей служат прочность судейских должностей и равенство судей.

Современная юриспруденция, признавая значимость Судебной реформы 1864 г., продолжает черпать в ней вдохновение для новых трактовок и сопряжений, казалось бы, знакомых явлений и процессов, ориентируясь при этом на совершенствование практики. Как минимум, этим порывом были объединены участники конференции – ученые и практики из 20 субъектов Российской Федерации, представители 18 высших учебных заведений страны, а также Польши и Эквадора.

Почетными гостями конференции стали: выдающийся российский ученый, ведущий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор **И.А. Исаев**, первый заместитель председателя Белгородской областной Думы **А.И. Скляр**ов, Уполномоченный по правам человека в Белгородской области **Н.Я. Шатохин**, Председатель Белгородского областного суда

А.И. Шипилов, председатель Арбитражного суда Поволжского округа **Ю.В. Глазов**, председатель Арбитражного суда Белгородской области **А.Е. Шеин**, начальник УМВД России по Белгородской области **В.Н. Пестерев**, начальник Судебного департамента в Белгородской области **С.С. Захаров** и другие.

Участники конференции провели заинтересованное обсуждение широкого круга юридических проблем, связанных с совершенствованием судебной системы, оптимизации разрешения правовых споров в практике деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций и учреждений.

В приветственном слове *ректора Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктора политических наук, профессора, члена Общественной палаты Российской Федерации О.Н. Полухина* говорилось о том, что 150-летие Судебной реформы – это не просто очередная юбилейная дата, смысл которой способны оценить лишь специалисты соответствующей сферы знаний. 60-е годы XIX в. оказались для России богатыми на события поистине исторического масштаба. Стабилизация финансовой системы, отмена крепостного права, реформа системы народного просвещения и цензуры, земская и городская реформы, судебная реформа. Выражаясь современным языком, это было время принципиальной и системной политико-правовой модернизации, необходимость которой диктовали объективно сложившиеся социально-политические условия. Характерно, что общественное мнение активно поддерживало такие прогрессивные, а подчас и революционные реорганизации. Фактически за три года, немисливо быстро для инерционной и неповоротливой бюрократической системы империи, был создан правовой каркас новой системы российского судопроизводства. Причем системы, которая могла считаться достаточно либеральной в сравнении с ведущими современными мировыми образцами. Не случайно многие исследователи называют эту реформу важнейшей российской «революцией сверху». Системное реформирование местного самоуправления, образования, судопроизводства развивало подавленные основы гражданского общества в России. Именно благодаря этим знаковым переустройствам Александр II получил к своему имени почетную приставку – Освободитель. Потенциал этих преобразований не смогли выхолостить ни правовое безвременье последних десятилетий российской империи, ни время бесправия начала советской эпохи. Для российской правовой системы Судебная реформа 1864 г. стала значительной вехой, свидетельствующей о стремлении государства последовательно развивать институты гражданского общества и правового государства. Несмотря на прошедшие годы, Судебная реформа сохраняет свою актуальность и в современной российской правовой действительности. Это находит свое подтверждение не только в историко-правовых исследованиях и построенных на их основе теоретических конструкциях, объясняющих сущность и значение Судебной реформы. О преемственности свидетельствует соотносимость базовых положений Судебных уставов с нормами действующей российской Конституции. При этом любые преобразования эффективны и действительны только в том случае, если они солидарно поддержаны всем обществом. От степени включенности каждого во многом зависит результат даже самых передовых и прогрессивных реформ, какой и стала для своего времени Судебная реформа 1864 г. В целом же принятие Судебной реформы 1864 г. выражало стремление прогрессивных представителей власти опередить время, дать импульс развитию грядущим поколениям.

Начальник Белгородского юридического института МВД России, председатель Белгородского регионального отделения Ассоциации юристов России, генерал-майор полиции, кандидат юридических наук, доцент И.Ф. Амельчаков, обращаясь к гостям и участникам конференции, сосредоточил внимание на том, что судебная реформа в России способствовала превращению политического государства в правовое, а суда – во власть, предложив в исторической ретроспективе рассмотреть итоги и перспективы судебной реформы, которая уже более двадцати лет проводится в Российской Федерации. В России всегда было принято искать правду в суде. Поэтому сегодня так важно повысить доверие наших граждан к судебной системе. Полтора столетия назад Александр II, издав судебные указы, пояснил их необходимость: «возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить то уважение к закону, без которого невозможно общественное благосостояние».

Заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ И.А. Исаев отметил, что в цепи «великих реформ» второй половины XIX в. судебная реформа оказалась, по замечанию представителей самых разных политических течений, наиболее радикальной. Более того, она стала наиболее политизированной по сравнению даже с аграрной (крестьянской) реформой, преследовавшей преимущественно социально-экономические цели, и земско-ориентированной, главным образом, на административно-территориальные самоуправленческие критерии. Реформаторы увидели в преобразовании судебных структур и процедур путь к установлению политической демократии.

Директор Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ Е.Е. Тонков подчеркнул, что император Александр II пришел к пониманию необходимости судебной реформы не сразу. В России после поражения в Крымской войне (1853-1856 гг.) создалась кризисная ситуация, поэтому царь был вынужден искать достойный и одновременно эффективный выход из сложного положения. Отмена в 1861 г. крепостного права не только ознаменовала закат феодальной системы, но и заставила пристально взглянуть на другие изъяны общества. В архаическом состоянии, по сравнению с цивилизованной Европой, находилась судебная система. Ее характеризовали невероятная сложность, запутанность процессуальных требований, отсутствие адвокатов и присяжных заседателей. Все это – на фоне безудержного взяточничества чиновников, волокиты и бюрократизма, бесправия как обвиняемых, так и потерпевших, фактического самоуправления судей. Суд выносил решения, основываясь только на письменных материалах, полученных в результате следствия, особенно не утруждая себя судопроизводством и непосредственностью судебного разбирательства. Как писал по этому поводу знаменитый адвокат А.Ф. Кони, «судебная реформа призвана была нанести удар худшему из видов произвола, произволу судебному, прикрывающемуся маской формальной справедливости». Одним из первых инициаторов Судебной реформы был граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785-1864 гг.), председатель Госсовета Российской империи, министр внутренних дел, который приходился племянником великому поэту Г.Р. Державину и сам активно занимался литературным творчеством. Именно он в 1848 г. сумел отговорить императора Николая I, когда тот намеревался ликвидировать в России университеты из-за их революционности. Первые предложения о необходимости Судебной реформы были поданы им в 1844 г. также Николаю I, но поддержки не нашли. Тем не менее, в начале 50-х гг. XIX в. при канцелярии Николая I были учреждены комитеты для составления проектов уголовного и гражданского судопроизводства. В 1858 г., после воцарения Александра II, Д.Н. Блудов вновь выступил со своими предложениями по реформированию судебной системы, которые были новым императором одобрены. Вместе с тем, проекты Д.Н. Блудова оказались промежуточной стадией между старым законодательством и новыми Судебными уставами. Граф был уже в преклонном возрасте, поэтому в комиссию по подготовке реформы не вошел. Анализ поступивших из разных концов России практических замечаний на составленные Д.Н. Блудовым подготовительные проекты будущих уставов и разработка реформы были поручены Государственной канцелярии вместе с прикомандированными к ней юристами, в числе которых были Н.А. Буцковский, К.П. Победоносцев, Д.А. Ровинский, Н.И. Стояновский и др. Ключевую роль в работе комиссии сыграл видный русский юрист, специалист по гражданскому праву и процессу, выпускник Харьковского университета Сергей Иванович Зарудный (1821-1887 гг.). Комиссия в течение полугода исполнила возложенную на неё задачу, представив «Соображения и основные положения о гражданском и уголовном судопроизводстве и о судостроительстве». В числе этих начал были: полное отделение власти судебной от законодательной и исполнительной, несменяемость судей, самостоятельность адвокатуры, решение уголовных дел судом присяжных. Именно С.И. Зарудный настоял на том, чтобы положения не только были разосланы практикам для представления замечаний, но и опубликованы для всеобщего обсуждения. Еще через год были подготовлены проекты Судебных уставов общим объемом более 1800 страниц. В декабре 1863 г. комиссия окончательно завершила свою работу. Новые Судебные уставы состояли из четырех основных зако-

нов: Учреждения судебных мест, Устава уголовного судопроизводства, Устава гражданского судопроизводства, Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Они сопровождалась рядом технических норм, определяющих штаты судебных учреждений и переходные положения в процессе их введения. В марте-июле 1864 г. законопроекты были рассмотрены Соединенными департаментами, утвердившими их практически без разногласий, а в сентябре-октябре – Общим собранием Государственного Совета. 20 ноября 1864 г. о Судебной реформе было объявлено публично. В результате в России была сформирована оригинальная и в целом эффективная система правосудия, ключевые позиции которой остаются непоколебимыми и сегодня.

Профессор Юридического института Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ И.Н. Куксин и доцент кафедры конституционного и административного права Курского государственного университета, кандидат юридических наук Т.Н. Ильина сделали вывод о том, что важной составляющей судебной реформы стало преобразование организационно-правового механизма комплектования судейского корпуса, особенно в части новых к ним требований. С учетом, что Учреждения судебных установлений закрепляли за каждым должностным лицом определенные функции, это позволило четко сформулировать требования, которые предъявлялись к ним. Законодательно были установлены следующие должности в судебных учреждениях: члены Сената, судебных палат, окружных и мировых судов; прокуроры; судебные следователи; присяжные поверенные; судебные приставы, нотариусы, кандидаты на судебные должности, канцелярские служащие (секретари и их помощники). Отмечено, что Учреждения судебных установлений не позволяют четко определить, все ли перечисленные в законе лица принадлежали к органам правосудия. Описывая систему требований, предъявляемых к служащим правосудия, авторы исходят из перечня должностных лиц, которые указаны Учреждениями судебных установлений. Все требования, которые относились к служителям Фемиды, можно подразделить на две группы: общие, которые были одинаковы для всех, и особые, которые были необходимы при занятии конкретных должностей. Общие основания были закреплены в законе. Так, одним из условий на занятия должности в органах правосудия было наличие не только русского подданства, но и нравственного ценза. Закон не допускал в систему правосудия лиц, которые были обвинены по суду, общественному приговору или постановлению духовных властей. Согласно Учреждению судебных установлений, эти должности не могли занимать лица: находящиеся под следствием, исключенные из судебного ведомства, объявленные несостоятельными должниками, состоящие под опекой за расточительность. Не допускались к занятию судебных должностей присяжные поверенные, исключенные из корпорации. Несмотря на то, что в законе содержалось положение, согласно которому никто не может быть наказан за преступление и проступки иначе как по приговору суда, однако вступивший в силу указ Сената запрещал допускать к правосудию лиц, оставленных в подозрении. Осуществлялась проверка претендентов и на их политическую благонадежность, имелось в виду неучастие в антиправительственных организациях, нелегальной печати. В первую очередь, это касалось судебных должностей, а также при зачислении в адвокатуру. Необходимо отметить, что если в дореформенной системе правосудия существовал сословный ценз, то составители судебных уставов, действуя в рамках либеральной концепции, отказались от него, что было весьма прогрессивным шагом. Согласно, нового законодательства не учитывались национальность и вероисповедание. Однако анализ текущего законодательства 80-х гг. XIX в. показывает негативную тенденцию, выразившуюся в ограничении допуска в систему правосудия евреев. Так, в 1889 г. закон запретил принимать в присяжные поверенные «лиц нехристианского вероисповедания». С этого времени евреи, которые составляли значительную часть российской адвокатуры, могли быть приняты в присяжные и частные поверенные с разрешения министра юстиции либо императора. С 1912 г. последовал запрет на занятие евреями должности мирового судьи. Указанная тенденция не была связана с профессиональным несоответствием указанных лиц, это объяснялось общей антисемитской политикой российского государства конца XIX – начала XX вв. Завершающим специальным требованием к подбору кадров в органы правосудия был имущественный ценз. Важно отметить, что законодатель практически полностью отказался от акцента на

материальном положении соискателей должностей в судебном ведомстве. Исключение составляли мировые судьи. Для них был установлен высокий имущественный ценз, что было связано с выборным способом занятия ими должности. Для судебных приставов и нотариусов был введен денежный залог, который служил гарантией от неправильных действий названных должностных лиц. Судебные уставы положили начало принципиально новой системе требований, предъявляемых к служителям правосудия. Судебная реформа 1864 г. закрепила для большинства судебных должностей, включая судебных следователей, принцип несменяемости. Это новое положение предопределило и новые требования при подборе кадров. Преобразованные и вновь созданные судебные институты нуждались в профессионалах новой формации. От них, в первую очередь, требовалось знание законодательства (образовательный ценз), умение логично мыслить, находить и оперировать фактами, грамотно аргументировать правовую позицию (возраст, ценз опытности), обладать моральными качествами (нравственный ценз). В настоящее время система подбора кадров в органы правосудия совершенствуется, опираясь на предшествующий опыт, положенный реформами 1864 г. Особенно это заметно на формировании судейского корпуса, адвокатского сообщества.

Заведующая кафедрой теории и истории государства и права Ставропольского института кооперации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ Л.Г. Свечникова подчеркнула, что Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила компетенцию и порядок делопроизводства Правительствующего Сената в области уголовного и гражданского правосудия, поставив во главе новых судов неизвестные ранее российскому законодательству кассационные департаменты, которые стали высшей судебной инстанцией. Кассационные департаменты Сената были образованы указом от 19 марта 1866 г., а с 17 апреля 1866 г. были назначены первоприсутствующие и сенаторы. В соответствии с Учреждением судебных установлений, сенаторы кассационных департаментов не могли одновременно занимать любые другие должности, что было связано с провозглашенной независимостью судебной власти. Закон четко определял круг лиц, из которых могли быть избраны сенаторы кассационных департаментов. Для получения права занять это место нужно было, как минимум, проработать в течение трех лет в должностях обер-прокурора, председателя, члена или прокурора судебной палаты. Из этого положения вытекает, что для занятия должности сенатора требовалось и наличие юридического образования. Особое положение занимал первоприсутствующий сенатор в департаменте. Его правовой статус был установлен законом 1832 г., в соответствии с которым первоприсутствующие назначались для руководства прениями и постановки вопросов, для более скорого решения дел. В указе 1832 г. было прописано правило, согласно которому первоприсутствующие назначались каждый год, однако при образовании кассационных департаментов от этого правила были сделаны некоторые отступления. Несмотря на то, что сенаторы назначались высочайшими повелениями, это назначение не подлежало ежегодному возобновлению. Сенаторы пользовались и определенным иммунитетом как лица, назначаемые лично императором. Во-первых, они могли предаваться суду за должностные преступления не иначе, как на основании мнения Государственного Совета; во-вторых, за совершение этих преступлений они могли быть осуждены только в судебном присутствии кассационных департаментов Сената. Задачи новых судебных учреждений, созданных в виде кассационных департаментов Сената, вполне отвечали насущным потребностям реформирования судебной власти: сокращения числа судебных инстанций, восстановления органа надзора за деятельностью судебных мест. Законодателем была четко определена подсудность кассационных департаментов Сената, которые являлись высшей кассационной инстанцией для общих и мировых судов. Устанавливалось, что для окончательного разрешения спорных вопросов о подсудности, а также для уяснения смысла применяемых норм материального права, или обсуждения вопросов, «разрешаемых неоднообразно в разных судебных местах, или же возбуждающих на практике сомнения», составляется Общее собрание Первого и Кассационных департаментов Сената. Компетенция уголовного и гражданского кассационных департаментов различалась. Так, к примеру, в уголовный кассационный департамент поступали жалобы и протесты на окончательные приговоры окружных судов и судебных палат, а также представления о возобновлении уголовных дел, что в тот период было единственным способом пересмотра окончательных и вступивших в

силу приговоров. Все поступавшие в кассационный департамент жалобы предварительно рассматривались в распорядительном заседании департамента, в результате которого жалобы, поданные с нарушениями, возвращались обратно просителям. Оставшиеся для рассмотрения кассационные жалобы распределялись между отделениями департамента. В заседании рассматривались те дела, по которым выявлялась необходимость в разъяснении точного смысла законов для «руководства к однообразному их толкованию и применению»; остальные дела рассматривались на заседаниях отделений департамента. В результате изменения судебной системы Российской империи Сенат стал высшим, верховным судом для общих и мировых судов, высшим органом судебного надзора и, как ни парадоксально это звучит, высшей кассационной и апелляционной инстанцией (учитывая, что кассационные департаменты Сената могли рассматривать дела по апелляции, решения по которым были приняты в первой инстанции уголовного кассационного департамента). Несмотря на столь сложную систему организации высшей судебной власти, она действовала достаточно эффективно, внедрив в российское правовое мышление демократические принципы организации судостроительства и судопроизводства.

Заведующая кафедрой конституционного и муниципального права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор М.В. Мархгейм, доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук А.Е. Новикова и председатель судебного состава Арбитражного суда Белгородской области, кандидат юридических наук А.Д. Хлебников представили убедительную аргументацию того, что содержательная глубина реформ оценивается, помимо прочего, с позиции их влияния на принципы, поскольку именно им отведена роль обеспечения устойчивости того или иного явления или процесса. Это в полной мере относится и к судебной реформе. Применительно к ней представляется интересным проследить вехи доктринального и легального развития таких атрибутов судопроизводства, как состязательность и равноправие сторон. Судебная реформа 1864 г. вызвала значительный интерес к проблеме состязательного процесса у ученых, занимающихся вопросами процессуальной доктрины. Указанные проблемы рассматривались в работах процессуалистов в сфере гражданского (Е.В. Васильевский, Е.А. Нефедьев, Т.М. Яблочков, А.Х. Гольмстен, В.А. Рязановский и др.) и уголовного права (Л.Е. Владимиров, Ю. Глазер, Н.А. Елачич, Н.Д. Сергеевский, В.К. Случевский, Д.Г. Тальберг, И.Я. Фойницкий и др.). При разнообразии точек зрения общим в дореволюционной процессуальной доктрине было непризнание «чистой» состязательности процесса. Большинство ученых признавало необходимость дополнить российское законодательство о судопроизводстве элементами материальной активности суда, ввести в состязательность следственные элементы. В рамках конституционной теории принципы состязательности и равноправия сторон практически не исследовались, что было связано с отсутствием закрепления названных принципов конституционными нормами. Процессуальное же право советского периода закрепляло состязательность и равноправие сторон как основополагающие отраслевые принципы правосудия, в частности, они были закреплены в Гражданском процессуальном кодексе РСФСР 1964 г. Принцип состязательности выражался, прежде всего, в равноправии сторон при оспаривании утверждений противной стороны. Подчеркивалось, например, что в уголовном процессе обвинение отделено от суда, обвиняемый пользуется правом на защиту, а суду принадлежит руководство процессом, активное исследование обстоятельств и решение самого дела. Процессуальное законодательство подтверждало именно такое построение процесса. Это следовало и из содержания статей о равенстве прав участников гражданского процесса по представлению доказательств, об участии сторон в их исследовании, заявлении ходатайств, участии в судебных прениях и т.д. Однако такое закрепление было формальным, поскольку действие принципов состязательности и равноправия сторон полностью нейтрализовалось другими принципами – активной ролью суда в выяснении обстоятельств дела и объективной истины. В результате стороны могли бездействовать в представлении и исследовании доказательств, не опасаясь никаких неблагоприятных для себя последствий, – все за них должен был сделать суд. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от

31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» закреплено, что в силу конституционного положения об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон суд по каждому делу обеспечивает равенство прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств и заявлению ходатайств. Тем самым Пленум раскрывает форму реализации самостоятельного принципа равноправия сторон через обеспечение судами равенства прав участников судебного разбирательства по представлению и исследованию доказательств. Интригу в данном смысле поддержал и Конституционный Суд России. Сначала в своем Постановлении от 14 февраля 2000 г. № 2-П он утверждал, что Конституция России фиксирует два принципа – принцип состязательности и принцип процессуального равноправия сторон. Затем в Определении от 12 апреля 2005 г. состязательность и процессуальное равноправие сторон представлены им в рамках единого принципа. Так, применительно к административному судопроизводству Конституционный Суд указал, что принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон означает, что на разных процессуальных стадиях прокурор и лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, должны обладать равными правами. Очевидно, состязательность и равноправие сторон не составляют единого принципа. Это вытекает из следующих положений: Конституция, фиксируя основу судопроизводства, указывая на состязательность, выделяет равноправие. При этом равноправие сторон судопроизводства воплощает материальные предпосылки обеспечения равных возможностей для участия сторон в судопроизводстве; состязательность выступает формой реализации данных возможностей, процессуальным механизмом достижения целей и разрешения задач судопроизводства. Анализируя опыт закрепления и применения принципов состязательности и равноправия в России, необходимо учитывать, что у нас нет длительной истории их использования. Это дает простор для дальнейшей доктринальной, легальной и практической огранки состязательности и равноправия сторон в целях поиска их наиболее продуктивной трактовки и реализации.

Директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс», доктор юридических наук, профессор П.А. Астафичев обратил внимание на то, что концепция конституционализма предполагает не только наличие в обществе демократической организации власти и обеспечение гуманизма, верховенства прав и свобод человека и гражданина. Требуется также известная степень справедливости. Понятие справедливости, преимущественно, – философское и в значительной степени – оценочное. Обычно справедливость связывают с требованием соответствия между ролью человека и его социальным положением, заслугами и их признанием, трудом и вознаграждением, деянием и воздаянием и т.п. В целом справедливость можно охарактеризовать как исторически меняющееся представление о «должном», «верном», «истинном», «надлежащем», «обоснованном» и «непроизвольном» в общественных отношениях. Многие социальные нормы и ценности устойчиво признаны в качестве справедливых, однако единого мнения о справедливости быть не может. Каждый индивид имеет право на собственную оценку тех или иных отношений. В различных сообществах, включая современные, зачастую бытуют весьма дифференцированные представления о справедливости.

В конституционном праве понятие справедливости имеет не только общесоциологическое, но и специальное юридическое значение. Справедливость – это конституционный критерий, которому должна соответствовать деятельность публичных органов и других субъектов конституционных правоотношений. Глава государства, парламент, правительство, суды и другие лица конституционно обязаны быть справедливыми. Это означает, что они должны руководствоваться принципом верховенства права, несут обязанность самоограничения и не могут действовать произвольно. Конституционный критерий справедливости предполагает баланс публичных и частных интересов, правовую определенность, разумную достаточность. В конституционном государстве не допускается произвольный отказ от публично-правовых обязательств, формальный подход к отправлению публичных обязанностей, необоснованный поворот к худшему.

Требуются также сочетание унифицированного и дифференцированного подходов, разумная стабильность и предсказуемость в законодательной и правоприменительной деятельности. Наиболее емко реализация данных установлений нашла выражение в практике российского конституционного правосудия.

Заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, доктор юридических наук, профессор В.Г. Ермаков остановился на Федеральном законе «О внесении изменений в статьи 6 и 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» и в статьи 17 и 19 Федерального закона «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации», предусматривающем, что полномочия судьи федерального суда не ограничены определенным сроком. По его мнению, это заставляет по-иному взглянуть на проблему независимости судей. Данный факт свидетельствует о дальнейшем развитии положений Конституции РФ о независимости правосудия. Тем не менее, остается неясным, каково практическое значение подобного «развития конституции», в частности, с точки зрения неформальной практики. Российские институты, предназначенные для защиты судей от потенциального влияния при принятии ими решений, все это время не справлялись с поставленной перед ними задачей. Совокупность структурных недостатков и господства неформальных отношений на практике ставит судей в непосредственную зависимость от председателей судов, а также в косвенную зависимость от власть предержащих. Назначение судей и их продвижение по службе, наложение взыскания и отставка судей, а также их материальное вознаграждение отражают тот же порядок вещей и подпитывают друг друга. По сложившейся ныне практике, назначению новых судей, назначению судей в суды высшей инстанции, а также на административные должности в судебной системе предшествует номинация председателем соответствующего суда и рассмотрение кандидатур квалификационными коллегиями судей (в том числе сдача несложного экзамена). После проверки благонадежности и тщательного анализа кандидатуры полномочным представителем Президента, кандидатура направляется на рассмотрение президентской Администрации с последующим утверждением назначения Президентом РФ. На первом этапе решающая роль принадлежит председателю суда, а также руководящему составу судов (ККС обычно считается с мнением председателей судов, хотя они с 2002 г. и не входят в состав коллегий). На втором этапе решающую роль играют представители Президента РФ. В результате судьям, которым предстоит проверка, приходится угождать своим судебным и политическим начальникам или, по крайней мере, не раздражать их. Данный механизм действует и в обратном направлении. То есть, несмотря на пожизненный срок службы, судьям, которые не хотят лишиться своего места, приходится избегать не только нарушений закона и этических норм, но и поступков, способных не понравиться председателям их судов, а также судов высшей инстанции. Проблема заключается в том давлении, которое председатели судов могут оказывать на якобы беспристрастные квалификационные коллегии судей. Председатель областного суда, несмотря на то, что он не входит в состав ККС, пользуется решающим влиянием на работу коллегии, и почти такую же роль играют председатели нижестоящих судов. За четыре года работы в составе квалификационной коллегии судей Липецкой области докладчику вспомнился лишь один случай, когда коллегией было принято решение по кадровому вопросу, отличное от позиции председателя областного суда. Но при утверждении данного решения восторжествовала позиция председателя областного суда. Председатели судов являются ключевым звеном в наиболее распространенной модели внешнего влияния на работу судей. Каждый судья зависит от благосклонности председателя суда как в вопросе повышения по службе, так и для того, чтобы избежать взыскания. В свою очередь, председатели нуждаются в поддержке влиятельных лиц своего района или области, способных оградить от неприятностей их самих и их суды. Ещё в 2006 г. предлагалось решить эту проблему, отменив действующую систему двух последовательных шестилетних сроков на посту председателя суда и его назначения Президентом РФ, заменив её выборами председателя судьями соответствующих судов на неподлежащий продлению трехлетний срок. Постоянная ротация рядовых судей на посту председателя позволит председателям судов вырваться из неформальных сетей административного давления и принесет очевидную пользу, затруднив попытки влиять на деятель-

ность суда. Безусловно, в результате этого суды могут также лишиться связей, обеспечивающих их материальное благополучие. Им придется искать альтернативные источники дополнительного финансирования, например, из дискреционного фонда инновационного развития, руководимого соответствующим судебным департаментом. Реформа роли председателей судов – это радикальная мера, которая возможно вступит в противоречие со структурой власти в других институтах. Вместе с тем, она осуществима и желательна при условии её осмысленного проведения в сочетании с другими переменами. Воплощение любого существенного конституционного принципа, в том числе и независимости судей – сложный и длительный процесс, который затрагивает не только законодательство, нормативные акты и решения суда, но требует перемен в остальных областях общественной жизни и культуры.

Заведующий кафедрой уголовного права и процесса Юридического института Сыктывкарского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ П.А. Колмаков рассмотрел субъективные права, которые, в теории права, как известно, наряду с процессуальными обязанностями составляют наиболее существенную часть общего юридического статуса личности и индивидуального статуса любого участника уголовного судопроизводства. Именно в законодательном закреплении прав выражаются потребности и интересы как самой личности, так и государства в целом. Это обстоятельство играет важную роль в деятельности участников уголовного судопроизводства, так как предписывает им допустимый вариант поведения, санкционированный государством и гарантированный законом. Права человека, как здорового, так и больного, – высшая ценность общества, а их защита – главная обязанность любого демократического государства. Отсутствие должного правового регулирования психиатрической помощи может быть одной из причин использования её в немедицинских целях, наносит ущерб человеческому достоинству и правам граждан, международному престижу государства. Принудительные меры медицинского характера, как известно, не являются наказанием за содеянное, однако существенно ограничивают личные права и свободы лица, вовлечённого в сферу уголовного судопроизводства. Поэтому лицо, нуждающееся в применении принудительных мер медицинского характера, заинтересовано в том, чтобы перечисленные в уголовном законе виды принудительных медицинских мер объективно применялись, изменялись и прекращались в соответствии с действующим законодательством. По мнению докладчика, отечественный законодатель поставил этого участника уголовного судопроизводства в неопределённое процессуальное положение. Возникший пробел обусловлен неполнотой регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (как, впрочем, и в УПК РСФСР 1922, 1923 и 1960 гг.) правового положения рассматриваемого участника процесса.

Профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор И.М. Комаров проанализировал факты незаконного задержания или заключения под стражу судом граждан по ходатайству органов, осуществляющих предварительное расследование преступлений. Проведенными в этой связи прокурорскими проверками установлено, что многие из этих граждан содержались под стражей долгие месяцы. В порядке реабилитации из средств государственного бюджета им выплачено более 700 млн. руб., но виновные должностные лица, допустившие брак в расследовании, который выразился в ущемлении конституционных прав граждан, так и не наказаны. В этой связи можно привести следующие сведения. Согласно статистике Генпрокуратуры РФ за последние три года незаконно к уголовной ответственности было привлечено и реабилитировано судом и следствием более 14 тыс. человек, а наказали за это лишь 12 должностных лиц. Причем нет ни одного факта возбуждения уголовного дела или привлечения виновных в этом беззаконии к уголовной ответственности по ст. 301 УК РФ за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Резюмировал эту статистику Генпрокурор РФ Ю. Чайка, по мнению которого иного результата ожидать не приходится, пока уголовно-правовая оценка допущенных следователями нарушений будет осуществляться самими же следователями. Надежда на эффективный ведомственный контроль, к сожалению, уже давно себя не оправдывает. Можно предположить, что не только приведенные факты, но и низкое, в целом, качество предвари-

тельного расследования преступлений следователями, которое, безусловно, беспокоит и руководство СКР, стало одной из причин того, что депутатом единороссом А. Ремезковым 29 января 2014 г. в Государственную Думу РФ был представлен проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу». Основной тезис его сторонников в следующем: объективная истина в УПК должна превратить следователей из преследователей в исследователей и тем самым помочь правосудию. При этом отметим, что содержание понятий «преследователей» и «исследователей», авторами законопроекта никак не комментируется. Ссылаясь на международный опыт и традиции отечественного уголовно-процессуального законодательства, они отмечают, что положение об объективной истине успешно закрепили и применяют в своем законодательстве многие страны Европы, были они и в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Российской империи, УПК РСФСР 1922 и 1960 гг. Поэтому, следуя европейским тенденциям и российским традициям, по мнению разработчиков закона, следует вернуть данное положение в УПК РФ. Однако для того, чтобы этот тезис можно было считать аргументом, следует дать анализ понятия объективной истины в контексте основных положений УПК европейских государств, где эта истина служит целям правосудия. Что касается Устава уголовного судопроизводства 1864 года, УПК РСФСР 1922 и 1960 гг., то известны все положительные отличия этих кодифицированных процессуальных актов от действующего УПК РФ, причем не в пользу последнего, а механическое внесение рассматриваемого понятия в систему действующих процессуальных норм, на наш взгляд, по меньшей мере, не обосновано. Кроме того в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., УПК РСФСР 1922 и 1960 гг. в употреблении было понятие истины, но не объективной истины. По мнению автора, далее «латать» российский уголовно-процессуальный закон вредно, поскольку многочисленные корректирующие процедуры мешают работать всей правоохранительной и судебной системе России.

Председатель Белгородского областного суда А.И. Шипилов и профессор кафедры административного и международного права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор юридических наук, профессор Е.В. Сафронова представили результаты исследования творческого наследия П.Е. Казанского (1866-1947 гг.) – крупнейшего российского правоведа с мировым именем, профессора и декана юридического факультета Императорского Новороссийского университета, философа, ярчайшего представителя самобытной русской правовой школы, автора теории русского Самодержавия, представляет огромный интерес. П.Е. Казанский был наиболее последовательным противником доктрины разделения властей. Он исходил из идеи единства государственной власти, проявляющейся в различных сферах: правообразующей, исполнительной и судебной. По его мнению, верховная власть, воплощавшая в себе огромные управленческие полномочия, не могла существовать опосредованно от иных элементов. Построение любой властной вертикали основывается на совокупности структур, призванных разрешать массу текущих вопросов, которые не вызывают принципиальный интерес в общегосударственном масштабе. Одним из неотъемлемых компонентов государственно-властного механизма, с позиции П.Е. Казанского, являлось подчиненное управление. Ученый отмечал, что подчиненное управление, равно как и управление верховное, сосредотачивалось в руках монарха. Под подчиненным управлением П.Е. Казанский понимал реализацию полномочий органами исполнительной и судебной власти. В то же время часть полномочий в обоих из указанных сфер он относил к ведению власти верховного управления. Основываясь на анализе нормативного материала, П.Е. Казанский приходил к выводу о том, что одной из разновидностей власти подчиненного управления является отправление правосудия. Такой вывод следовал из содержания ст. 22 Свода законов, устанавливавшей, что судебная власть осуществлялась от имени императора на основании действовавших законов судами, решения которых приводились в исполнение именем монарха. Однако деятельность судебных инстанций ученый был не склонен ограничивать только отправлением правосудия, утверждая, что институтами судебной власти осуществлялось и судебное правообразование, и судебное администрирование. Подчиненное управление, по мнению П.Е. Казанского, составляло часть полномочий монарха, некогда составлявших его непосредственную верховную власть, но со

временем в силу своей специфики отделившихся в относительно самостоятельную сферу. Такое выделение не образовывало безграничную свободу усмотрения соответствующих органов, напротив, каждое свое действие они соотносили с нормативным предписанием, исходившим от самодержца, и тем самым ориентировались на него. Это утверждение применимо как к нормам материальным, так и процедурным или процессуальным. Характер властных полномочий обособившихся структур подчеркивал самостоятельность их решений, но не самих инстанций. Безграничность государственной власти и усложнение общественных отношений вынуждали создавать разветвленную систему государственных механизмов, способных опосредованно донести волю главы государства до населения.

Судья Ставропольского краевого суда, кандидат юридических наук Н.В. Стус считает, что уголовно-судебное право, концепция которого в настоящее время находит все больше приверженцев, начинает свой отсчет еще со времени становления государственности на Руси. Естественно, что на тот момент речь не могла идти о четком понятии, принципах и методах уголовного судостройства и уголовного судопроизводства, тем более что они не были отделены от гражданского судопроизводства. Но, тем не менее, зарождение уголовно-судебного права в этот период послужило началом для его дальнейшего развития и обособления в законодательстве Московского государства, Российского государства имперского периода, наивысшей точкой которого стало принятие Судебных уставов 1864 г. Уже в «Основных положениях преобразования судебной части в России» 1862 г. были установлены важные принципы уголовного-судебного права: отделение судебной власти от власти законодательной и административной, «вручение» судебной власти по отправлению уголовного правосудия уголовным судам, уменьшение числа судебных инстанций, необходимость кассационной инстанции, необходимость введения суда присяжных, несменяемость судей, образовательный и нравственный ценз для занятия судебных должностей, отделение судебной власти от обвинительной, допущение частных лиц к участию в уголовном преследовании, введение защиты подсудимых в уголовном процессе, равенство сторон в уголовном процессе, гласность, устность), необходимость непосредственного исследования доказательств уголовным судом, решающим уголовное дело по существу, отмена законной теории доказательств, определенность решения вопроса о виновности лица в приговоре уголовного суда и запрещение присуждать обвиняемых к оставлению в подозрении. Все эти принципы нашли свое отражение в принятых в 1864 г. Уставах: уголовного судостройства («Учреждение судебных установлений»), уголовного судопроизводства и уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которые, вместе с уставом гражданского судопроизводства, были утверждены 20 ноября императором Александром II. Уголовный и гражданский процесс являются только видом общего родового понятия процесса. Поэтому речь идет о возрождении концепции именно уголовно-судебного права, необходимость в которой в настоящее время назрела. И в этом плане полезно обратиться к опыту судебной реформы 1864 г., благодаря которой в дореволюционной России уголовное судостройство и уголовное судопроизводство образовывали единую систему, которую смело можно назвать уголовно-судебным правом.

Начальник правового управления аппарата Белгородской областной Думы, кандидат юридических наук, Заслуженный юрист РФ Л.И. Старцева предложила при оценке места и роли судебной реформы в общественно-политическом развитии России, её характера и методологии проведения учитывать два обстоятельства. Во-первых, уровень феодально-крепостнического суда, который требовалось преобразовать, основываясь на принципах демократического правосудия, что неизбежно сказывалось на результативности реформы. Во-вторых, противоречивый характер реформы происходил во многом из противостояния консервативного и либерального подходов в её подготовке и реализации, отражавших в целом сопротивление дворянско-крепостнической России. Небезынтересно в связи с этим отношение к преобразованиям в судебной сфере и верховной власти России, часто изменявшееся в зависимости от колебаний общественного мнения. Механизм функционирования отдельных органов реформированной российской юстиции во многом определял компромисс между консервативными и либеральными кругами. Этот компромисс особенно ярко проявился в деятельности мировой юстиции. С одной стороны, помещичьи слои населения настаивали на преоблада-

нии представителей крупного дворянского землевладения среди мировых судей, которые должны назначаться правительством из местных «уважаемых и почтенных» людей. Противостоявшая им либеральная группа считала, что в новом суде не должно быть места сословному представительству, и поэтому требовала выборов мирового суда. Источником для анализа деятельности общих судебных органов служит II раздел «Учреждения судебных установлений». Помимо характеристики состава, назначений и полномочий окружного суда, судебных палат и кассационных департаментов Сената следует обратить внимание на изменения в организации работы следствия и прокуратуры после 1864 г. и на возникновение новых институтов судебной системы суда присяжных заседателей и адвокатуры. Многие противоречия в деятельности этих учреждений, отражённые в Судебных уставах и судебной практике 60-80-х гг. XIX в., обусловлены борьбой между консервативными и либеральными силами российского общества. Юрисдикция местных и общих судебных органов, подсудность гражданских и уголовных дел местным и общим судами определялась Уставами гражданского и уголовного судопроизводства. Теория свободной оценки доказательств заменила с 1864 г. в системе правосудия России теорию формальных доказательств. Новая теория основывалась на положении, что задача суда состоит в поиске объективной истины. Отсюда его решения должны опираться на истинные факты, для чего необходим всесторонний анализ всех имеющихся доказательств без какого-либо вмешательства извне. Мерилом достоверности фактов объявлялось лишь внутренне убеждение судей. В основу преобразований реформы 1864 г. был положен принцип разделения властей. Провозглашалось равенство всех перед законом. Вместе с тем становление новых судов встретилось со значительными трудностями и, несмотря на свой буржуазный радикализм, судебная реформа с самого начала несла в себе немало пережитков прошлого. Началом становления судебной власти в современной России является Концепция судебной реформы в Российской Федерации, представленная Президентом России Б.Н. Ельциным и одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Главной задачей судебной реформы было признано утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной. Как известно, в тоталитарном обществе население не испытывает доверие к судебной власти. Во-первых, потому, что уголовный процесс лишен настоящей состязательности, а суды не обладают подлинной независимостью. Во-вторых, в связи с ограниченностью гражданской правосубъектности в сфере имущественных отношений и возможности оспорить противоправные действия властей. Суды поэтому воспринимаются исключительно как орудие репрессий, мало считающиеся с правами человека на защиту, презумпцией невиновности и другими демократическими принципами судебного процесса. Правовое демократическое государство придерживается совершенно иных представлений о роли судебных органов.

Подводя итоги конференции, ее участники сошлись во мнениях, что судебная власть составляет сердцевину правового государства и конституционализма, главной гарантией свободы народа. Правосудие необходимо обществу для разрешения всех социальных конфликтов без насилия, на основе общепринятых и известных правовых норм.